

УДК 33. 338

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЦИКЛЫ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ Х–МАТРИЦЫ

В.Э. КСЕНЗОВА

*Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь, Ksenzova@list.ru*

Введение. Начало XXI века ознаменовалось непростыми тенденциями в интеграционных процессах на евразийском пространстве. Трудное и противоречивое сближение экономик России и Беларуси в рамках единого Таможенного Союза говорит о том, что есть некие объективные основания, не позволяющие создать такой механизм взаимодействия в сфере экономики, который бы в полном масштабе устраивал обе страны. Несмотря на близость исторических судеб, Беларусь и Россия имеют автономные друг от друга базовые институциональные матрицы. Поэтому необходимо изучить процесс смены институциональных циклов в развитии экономик наших стран, чтобы понять, в чем кроется причина возникающих противоречий и несовпадения взглядов на характер экономической интеграции. Мы не ставим задачу полного и всеобъемлющего обзора исторической смены институциональных циклов экономики России и Беларуси. Это невозможно в рамках одной небольшой статьи. Мы хотим обозначить эти циклы с точки зрения сравнительного анализа и выявить, насколько и в чем институциональные циклы двух стран совпадают или расходятся во времени и по сути.

Результаты и их обсуждение. В литературе проблемы развития экономических систем, в том числе и в рамках компаративистского анализа, рассматриваются с точки зрения различных концепций и парадигм. Наиболее известными и разработанными являются концепции формационно–стадийного и цивилизационного подходов. Формационно–стадийный подход нашел свое освещение в работах К. Маркса, У. Ростоу, Э. Тоффлера. Упор делается на технико–технологическую составляющую экономической системы как главный фактор развития. В цивилизационном подходе объектом изучения являются известные и исторически сменяющие друг друга цивилизации. Данная концепция активно разрабатывалась А.Дж. Тойнби, С. Хантингтоном. В последнее время большое внимание уделяется концепциям, делающим акцент на этническую составляющую при анализе закономерностей развития национальных экономических систем. Одним из основателей такого подхода в изучении динамики общества является Л. Гумилев. Активно также развивается и парадигма институциональных матриц, разрабатываемая С. Кирдиной, О. Бессоновой.

Проблема сопоставления институциональных циклов в развитии экономик России и Беларуси на сегодняшний день в литературе не рассматривалась, что определяет актуальность данных исследований. Интерес представляет выявление закономерностей эволюции институциональной структуры экономики этносоциума вообще и проявление этих закономерностей для белорусской экономики – в частности. На наш взгляд, изучение такой эволюции в методологическом плане должно опираться на теорию пассионарных толчков Л. Гумилева и теорию институциональных матриц С. Кирдиной. Эти парадигмы не противоречат друг другу, а делают акцент на различных подходах в анализе эволюции этносоциума. С точки зрения теории пассионарных толчков каждый этносоциум имеет достаточно четкие историко–географические границы своей эволюции во времени и пространстве, что определяется обоснованной и выявленной Л. Гумилевым сменой фаз пассионарного напряжения этнической системы [3, с.81].

Концепция институциональных матриц делает упор на социальной составляющей этносоциума как устойчивой и неизменной матрицы (как совокупности базовых институтов) на протяжении всей истории данного общества. То есть обе парадигмы описывают закономерную смену фаз в истории этносоциума, подчеркивая объективную «отгороженность» во времени и пространстве последнего от других этносоциумов. Это важный момент при изучении эволюции институциональной структуры определенного этносоциума. Если не определены историко–географические и этно–социальные границы общества, то невозможно выявить и особенности эволюции его институциональной структуры.

Мы придерживаемся точки зрения «раздельности» во времени и пространстве белорусского и российского этносоциумов (если использовать их современные самоназвания). При этом сложность и в истории, и в теории такого разделения связана с тем, что у этих этносоциумов практически одновременно происходили смены фаз пассионарного напряжения в последней волне их этно–

генеза. Пассионарные толчки последнего этногенеза белорусского и российского этносоциумов пришлось (по Л. Гумилеву) на XIII в. [3, с. 132–133]. И это была уже вторая волна этногенеза на данных территориях (начало первой пришлось на V в.). Если учитывать наличие «скрытых» фаз в данной эволюции, то можно утверждать, что формирование базовых матриц рассматриваемых обществ пришлось на период VIII–XII вв.

Сам процесс формирования базовых институтов на территории нынешней Беларуси мы уже рассматривали в других публикациях. [6] В данной статье хотелось бы обратить внимание на экономическую составляющую базовой матрицы как систему ее жизнеобеспечения и проследить ее эволюцию с точки зрения теории институциональных циклов О. Бессоновой. Такой анализ представляет и теоретический, и практический интерес, т.к. в настоящее время мы находимся на стадии трансформации экономической системы социума, от тенденций и направления протекания которой зависит переход на следующую фазу, знаменующую начало следующего институционального цикла в развитии экономики.

Не переоценивая важность экономики как одной из трех составных частей базовой институциональной матрицы, мы должны учитывать, что современный этап в развитии человеческого общества по-прежнему протекает на фоне актуальности развития системы жизнеобеспечения. Стоит весьма сложная задача поиска баланса базовых институтов, без опасной переоценки любой из составляющих институциональной матрицы. С точки зрения конкретного этносоциума необходимо выявить тенденции и закономерности циклических колебаний институционального устройства его экономики, чтобы представлять роль как базовых, так и (что еще более важно) комплементарных институтов при переходе к следующему циклу в общей эволюционной цепи.

Вообще переходный период является, пожалуй, самой актуальной и проблемной фазой институционального цикла в развитии экономики конкретного общества. Он включает в себя фазу трансформации экономической системы под давлением многих противоречий, в том числе и в силу напряжения системы за счет иногда беспрецедентного роста транзакционных издержек перестройки внутренней институциональной структуры данной системы.

На фазе спада или обострения конфликтов, связанных с тем, что институциональная среда перестает соответствовать запросам изменяющейся материально-технологической и социально-экономической ситуации, начинается процесс нарастания транзакционных издержек главным образом за счет роста издержек защиты имеющихся прав собственности у различных социальных групп со специальными или общими экономическими интересами. В итоге издержки (особенно при достижении точек бифуркации) становятся столь масштабными, что отвлекают значительную часть экономических ресурсов страны и фактически способствуют углублению экономического кризиса. Объективно возникает необходимость трансформации институциональной структуры социума, требующей поиска новых прогрессивных форм базовых институтов и новой более прогрессивной системы спецификации прав собственности на ограниченные ресурсы. Период трансформации – это также период повышенных транзакционных издержек данного вида, так как они включают в себя фактически соответствующие транзакционные потери, инициированные на предыдущих фазах спада и кризиса институциональной системы.

Именно переходные периоды, периоды трансформации институциональной системы и институциональной среды, являются наиболее сложными и важными для социума, так как определяют всю дальнейшую траекторию его развития. Поэтому в экономической литературе особое внимание уделяется изучению именно переходных периодов. В частности, белорусский экономист П.С. Лемешенко справедливо отмечает: «Выдвижение переходного периода в качестве самостоятельной эпохи или периода, во-первых, однозначно фиксирует пространственно-временные особенности объекта исследования, которым является экономика во всех ее проявлениях, как нестандартного, требующего объяснения. Во-вторых, активизирует поиск новых подходов и инструментов к анализу этого феноменального явления. В-третьих, понятие «переходный период» фокусирует внимание на динамичности развития социально-экономических процессов. В-четвертых, особую актуальность приобретают качественные методы исследования». [7]

В российской экономической литературе институциональные циклы российской экономики изучались главным образом в трудах О. Бессоновой [1]. В экономических исследованиях белорусских авторов эта проблема пока что не затрагивалась.

В данной статье предполагается рассмотрение и характеристика институциональных циклов российской и белорусской экономик в контексте концепции базовых матриц, выдвинутой и разработанной С. Кирдиной [4].

О. Бессонова в концепции раздаточной экономики выделяет для России три завершившихся институциональных цикла: «I институциональный цикл пришелся на конец IX в. и продолжался до начала XIII в. – княжеский период. В историографии этот период обозначается как “Киевская Русь”. За ним последовал первый переходный период – удельные века. II институциональный цикл охватывает период с конца XIV в. до середины XIX в. – Московско–Петербургский период или царская Россия. С середины XIX в. до первой трети XX в. длился второй переходный период, известный под названием «развитие капитализма в России». III институциональный цикл имеет достаточно четкие границы – 1920–е–1980–е гг. – советский период. С конца XX в. реализуется программа рыночных преобразований и протекает третий переходный период» [1].

В российской экономике в период первого институционального цикла произошло формирование базовых институтов раздаточной экономики, которые в дальнейшем лишь претерпевали достаточно сложные трансформации, не меняя своей сущности. История Киевской Руси начинается с установления власти варягов на землях славян, которые уже к этому времени были территориально оформлены как области, тяготеющие к крупным торговым центрам того времени. Во многом приход варягов и появление первого российского государства были стимулированы необходимостью спецификации прав собственности на землю в борьбе с внешним врагом – печенегами. Дальнейший ход истории показывает, что именно сильная централизация политической власти у киевских князей явилась условием оптимизации транзакционных издержек спецификации прав собственности (а также издержек управления политической системой) на территории Киевского государства.

Однако, начиная со второй половины XII столетия, наблюдается процесс постепенного и существенного роста транзакционных издержек спецификации и защиты прав собственности князей в первую очередь на земли и доходы с них. Последствия нечеткой спецификации прав владения землей через очередной порядок княжеского наследования оказались достаточно серьезными и спровоцировали глубокий институциональный кризис. Одним из самых отрицательных его проявлений послужили разорительные для экономики княжеские усобицы. Итогом стало запустение земель Киевской Руси, завершившееся в XIII веке татарским погромом 1229–1240 гг.

Переход от первого ко второму институциональному циклу в истории Российского государства – это XIII–XIV вв. Это период поиска новых форм таких базовых институтов как условная верховная собственность, раздачи и сдачи, служебный труд. Происходит формирование собственных отношений на новых землях, в чем-то похожих на феодальные отношения Западной Европы. Особенно актуально это было в связи с серьезным ухудшением природно–климатических условий хозяйствования в северных районах по сравнению с землями Киевской Руси. Как отмечает В. Ключевский, «Великороссия XIII–XIV вв. со своими лесами, топями и болотами на каждом шагу представляла поселенцу тысячи мелких опасностей, непредвидимых затруднений и неприятностей, среди которых надобно было найтись, с которыми приходилось поминутно бороться». [5]

Устанавливается удельный порядок владения, представлявший по своей форме нечто подобное феодальному землевладению. Этот порядок отличали два основных признака. Во–первых, прекращается владельческая передвижка князей, они становятся постоянными оседлыми владельцами земель и городов. Во–вторых, меняется порядок наследования, в результате чего постоянный владелец своей волости мог передать ее в наследство своим личным распоряжением, причем не обязательно по старшинству и не обязательно сыновьям.

Таким образом, к XIII веку российская экономика, политически оформленная как Киевская Русь, прошла свой первый институциональный цикл, важность которого состояла в формировании базовых институтов нового этносоциума. Этот цикл пришелся на сложный период смены этногенеза и начала новой волны пассионарного напряжения. В целом можно утверждать, что в этот период новый этносоциум сформировался на старом институциональном фундаменте «эпохи славян», что во многом определялось материально–технологической средой обитания.

Переходный период ослабил этносоциум перед угрозой внешнего нападения. Однако исторически это совпало с волной подъема в пассионарном напряжении, что обусловило массовое передвижение этноса в северные земли, несмотря на огромные трудности и лишения. Пассионарность была достаточно велика для подобного сложного способа разрешения внутренних институциональных противоречий. Однако, на наш взгляд, недостаточна для противостояния соседним обществам с родственной X–матрицей. Поэтому начало следующего институционального цикла в российской экономике пришлось на время татаро–монгольского ига. И здесь, на наш взгляд, выявляется следующая тенденция (закономерность) – если в переходный период комплементарные экономические (равно как политические и идеологические) институты начинают «перевешивать» ба-

зовые в силу слабости последних и несвоевременной их адекватной трансформации, или даже искусственно насаждаться, то происходит ослабление этносоциума в степени, достаточной, чтобы базовые институты были навязаны соседним более агрессивным и сильным этносоциумом с родственной институциональной матрицей.

Рассмотрим, как проходил первый институциональный цикл в развитии белорусской экономики. Начиная с VIII века на территории нынешней Беларуси идет процесс создания и укрепления сильных княжеств – Полоцкого и Туровского, экономические взаимоотношения в рамках которых формируются на базе институциональной X–матрицы. Первый институциональный цикл в развитии белорусской экономики приходится именно на период с VIII по XIII вв., когда шел процесс формирования базовых институтов, в том числе и института условной верховной собственности в специфической для белорусских земель форме.

К основным базовым институтам белорусской матрицы в сфере политики можно отнести следующие: унитарный характер властных отношений; неприемлемость абсолютной неограниченной власти; доверие к верховному властителю как к гаранту защиты от внешней агрессии; институт «лавирования» между интересами более сильных в военном отношении соседей.

В сфере экономики в белорусской институциональной матрице прослеживаются следующие базовые институты: государство как важнейший и активный экономический субъект; крупная частная или коллективная собственность в сельском хозяйстве; взаимопомощь.

Для сферы идеологии характерны коллективизм, сильные родственные связи и отношения, религиозная терпимость.

Переходный к следующему циклу период приходится на период становления власти литовских князей, начиная с Миндовга. Как отмечается в исторических исследованиях, «в это время на соседних северных землях... орден меченосцев далеко не проповедническими методами насаждал христианство. Реальная угроза от этих незваных крестителей вставала для полочан, псковичей, Новгорода Великого, да и для той же Жмуди и Литвы. Не меньшая угроза нависла для наших предков в середине XIII века с юго–востока. Одно за другим подпадали под монголо–татарское ярмо восточные и южные княжества». [2, С.69]

Большую роль сыграл фактор духовной и исторической близости, общности происхождения (слияния славянских и балтских племен) и т.п. Поэтому процесс объединения белорусских и литовских земель под общим руководством литовских князей происходил без серьезных расходов на вооруженную борьбу. Принципиальная необходимость формирования такого государства, как отражения более новой прогрессивной институциональной структуры на белорусско–литовских землях, четко осознавалась всеми заинтересованными князьями. Однозначно, что не ставился вопрос о слиянии с Велокороссией. Более того, Московское государство воспринималось как сосед (причем далеко не всегда дружественный), но не как временно утерянный сюзерен. Князь новгородский Войшелк «создал то ядро государства, которое с течением времени обрастало соседними землями и превращало княжества Литовское, Литву в Великое Княжество Литовское, Русское, Жамойтское. Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что среди основателей княжества Литовского были вместе с балтскими и западно–белорусские земли. Причем в существовании такого политического объединения было заинтересовано население как тех, так и других земель». [2, С.72] При этом в процессе преобразований институциональной среды не произошло перенапряжения системы из–за значительных транзакционных издержек такой трансформации. В результате ВКЛ оказалось достаточно мощным государственным образованием, не подпавшим под влияние соседнего российского этносоциума с аналогичной базовой матрицей.

С точки зрения концепции институциональных матриц матрицы российской и белорусской экономик являются родственными в силу схожести базовых институтов X–экономик, хотя и нельзя утверждать об идентичности этих институтов. Но они однотипны, что определяется совпадением главного «императива» этносоциумов – «Я» важнее чем «Мы».

Таким образом, первый институциональный цикл завершился и для российской, и для белорусской экономики к XIV веку, зафиксировав соседние, но различные институциональные матрицы и соответствующие им X–экономики. Следующий цикл и для белорусской, и для российской экономики совпал с фазой подъема и акматической фазой по терминологии Л. Гумилева. И именно в период второго институционального цикла российской экономики реализует себя выше обозначенная закономерность для переходных периодов в отношении белорусской экономики, вступившей в силу исторических обстоятельств в фазу спада и накопления институциональных противоречий раньше российской.

Второй институциональный цикл России является самым продолжительным по времени (XIII – начало XX вв.), что обусловлено значительным расширением границ российского государства. В этот период формируется так называемый поместный порядок с адекватными ему базовыми институтами: сдач, раздач, служебного труда и т.п. На фазе подъема второго институционального цикла наблюдается оптимизация транзакционных издержек, связанных с реализацией прав владения землей, так как существующие базовые политические и экономические институты имеют прогрессивные для существовавшего технологического уровня формы. Поэтому в данный период не наблюдается резкого обострения социальных противоречий, которые служат сигналом устаревания институциональной структуры.

Изменение материально-технологических условий производства, расширение рынка привели к накоплению противоречий в первую очередь в аграрном секторе. Неэффективность крепостной системы становилась все более очевидной и требовала своего пересмотра. Итогом послужил ряд трансформаций в виде, например, Манифеста 1861 года. С этого периода начинается фаза трансформации институциональной системы Российского государства.

Попробуем определить исторические границы второго институционального цикла белорусской экономики. С середины XIII до первой половины XVIII века на территории современной Беларуси шел процесс оформления феодальной системы. Институт власти–собственности в ВКЛ (практически до конца XVI века) развивался в рамках базовой X–матрицы, для которой характерна зависимость собственнических отношений от наличия (отсутствия) верховной власти: «Крупнейшим феодалом было государство, которое в лице великого князя литовского являлось не только суверенным государственной территории, но и непосредственным собственником больших так называемых господских земельных владений (волостей). Примерно до середины XVI века точного раздела господских земельных владений на государственные и личный домен великого князя не существовало. Они по сути являлись государственной собственностью: доходы с них шли как на покрытие расходов государства, так и на содержание великого князя литовского и его много численного окружения». [8, С.143] Также подтверждением формирования адекватных периоду базовых институтов именно X–матрицы служит механизм формирования частного крупнотерриториального владения. В XIV–XVI вв. великие князья литовские в качестве основного способа вознаграждения за верную службу феодалов–вассалов широко использовали пожалования государственных земель с крестьянами.

Однако с конца XIV в. и до XVI в. постепенно накапливаются серьезные противоречия как политического, так и идеологического плана. Особенно это сказывается на противопоставлении католиков и православных после того, как Великий князь литовский Ягайло принимает католичество и становится королем Польским в 1386 г. Начиная с Кревской унии, наблюдается процесс обострения противоречий в сфере отношений собственности между польскими и литовскими представителями феодальной знати. Согласно грамоте, подписанной Ягайло 20 февраля 1387 г., феодальная знать католического вероисповедания получала неограниченные права владения и распоряжения своими вотчинами, а также освобождалась от выполнения ряда государственных повинностей. На православных феодалов эти привилегии не распространялись. Таким образом, второй институциональный цикл завершился довольно мучительным для белорусских земель переходным периодом, который исторически совпал с периодом вхождения в состав Речи Посполитой. В этот период идет разорительный поиск новых форм базовых институтов, вылившийся в небольшое количество военных событий (их было 65 за период с 1648 по 1716 гг.)

Через ряд переделов Речи Посполитой ослабленная Беларусь входит в итоге в состав Российской империи. Таким образом, подтверждается выше обозначенная закономерность в отношении переходных периодов. Для Беларуси это означало довольно активное включение в матрицу комплементарных для нее институтов католической Польши. Попытка сделать эти институты базовыми ничего хорошего для Беларуси не принесла. Произошло ослабление как экономики, так и в целом этносоциума. Кроме того, мучительные для белорусского общества войны второй половины XVII века, унесшие жизни половины населения, фактически свели «на нет» пассионарность социума.

В итоге вполне закономерным является переход под российскую юрисдикцию ослабленной Беларуси. Российская базовая матрица однотипна с белорусской. Т.е. мы видим подтверждение введенной нами закономерности.

Формируется довольно своеобразный институциональный симбиоз, когда институциональная матрица одного (ослабленного) этноса не растворяется в матрице более крупного государственно-образовательного образования.

Это сосуществование сохраняется и в советский период, который достаточно четко с точки зрения временных границ определяет третий для российской экономики институциональный цикл. В целом период с 1917 по 1991 гг. является общим для завершенных институциональных циклов экономики всех входивших в состав СССР республик. Сформировалась командно-административная система, в условиях которой общественная собственность приобрела характер государственной. В Беларуси советского периода базовые экономические институты существовали в тех же формах, что и в России. И в целом это соответствовало базовой матрице нашего этносоциума. Но при этом необходимо учитывать, что базовые матрицы двух социумов никогда не сливались в единую матрицу. Этносоциумы сохраняли свою автономность даже при практически полной идентификации форм базовых институтов.

Тот факт, что 90-е годы XX века ознаменовались сильнейшими центробежными тенденциями среди бывших республик Советского Союза, свидетельствует как раз о том, что в рамках централизованно объединенной советской экономики экономика каждой республики все же проходила свой собственный институциональный цикл. И в 90-е годы XX века белорусский этносоциум столкнулся с серьезным институциональным кризисом, который сопровождается длительным и достаточно болезненным поиском новых форм базовых институтов. Но это самостоятельный поиск. И весьма важно не ослабить систему неадекватным внедрением комплементарных институтов. Они обязательно должны внедряться в целях оптимизации трансакционных издержек трансформации базовых институтов. Но это внедрение должно не ослаблять базовые институты, а способствовать их адекватной трансформации с учетом меняющихся внешних и внутренних условий существования этносоциума. В том числе и с учетом стадии его этногенеза.

Выводы. Таким образом, можно подвести некоторые итоги. В период первого цикла шел процесс формирования базовых институциональных матриц с адекватными базовыми экономическими институтами. Однако сам процесс формирования базовых матриц протекал относительно автономно в рамках разных государственных образований. В период второго институционального цикла эта автономность усилилась, что проявлялось в образовании мощных и исторически часто противостоявших друг другу государств – Московского княжества и ВКЛ. Сложные взаимоотношения ВКЛ с Польшей и Российским государством послужили драматическим историческим фоном для протекания второго институционального цикла в белорусской экономике, завершившегося к XVIII веку. Следующий период (с XVIII века до 1917 г.) является наиболее проблематичным с точки зрения теоретического анализа в рамках концепции институциональных циклов экономики, т.к. произошли серьезные политические трансформации белорусского общества и достаточно противоречивое включение белорусской экономики в единое экономическое пространство Российской империи. Этот период требует дальнейших серьезных исследований, без чего трудно выявить объективные причины периодически возникающих разногласий в процессе интеграционного объединения российской и белорусской экономик. Изучение данного периода в выбранном нами аспекте поможет объяснить усиление центробежных тенденций в 90-е гг. XX века, не смотря на то, что более 70 лет формально не было автономных институциональных циклов в развитии экономик России и Беларуси. Эти сложные проблемы требуют дальнейшего теоретического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессонова, О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России / О.Э. Бессонова. – Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 1999. [Электронный ресурс] / – Режим доступа : <http://ie.boom.ru/Bessonova/Mon2.htm>. – Дата доступа: 30.10.2010.
2. Гісторыя Беларусі [Текст] / А.Л. Абецэдарская [і інш.] – Мінск : Экаперспектыва, 1997. – 496 с.
3. Гумилев, Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Лев Гумилев. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 415 с.
4. Кирдина, С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. [Электронный ресурс] / Кирдина, С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ/ С.Г. Кирдина. – Режим доступа : <http://kirdina.ru/book2/intro.shtml>. – Дата доступа : 30.10.2010
5. Ключевский, В. Курс русской истории [Электронный ресурс]/ Ключевский, В. Курс русской истории/В. Ключевский. – Режим доступа : www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluchlec.htm. – Дата доступа : 12.12.2011.
6. Ксензова, В.Э. Роль базовых институтов в структурной трансформации белорусской экономики / Ксензова В.Э., Ксензов С.В. // Факторы и перспективы посткризисных структурных трансформаций в белорусской экономике: монография / С.Ю. Солодовников [и др.]; под науч.ред. К.К. Шебеко. – Пинск: ПолесГУ, 2010. – Гл. 2. – С. 18–26 ; Ксензова, В.Э. Особенности становления базовых институтов в Беларуси/

В.Э. Ксензова, С.В. Ксензов // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: материалы третьей международной научно–практической конференции, УО «Полесский государственный университет», г. Пинск, 20–22 мая 2010 г. / Национальный банк Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К.К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2010. – С. 142–145.

7. Лемещенко, П.С. Переходный период в контексте институционально–эволюционной теории. [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://newpoliteconomy.org/publications/articles/220.pdf>. – Дата доступа: 05.10.2012.

8. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2–х ч. Ч.1. [Текст] / М.П. Касцюк [і інш.] – Мінск : Беларусь, 1994. – 527 с.

THE INSTITUTIONAL CYCLES IN THE ECONOMY OF RUSSIA AND BELARUS IN A CONTEXT OF THE CONCEPT OF X-MATRIXES

V.E. KSENZOVA

Summary

The comparative analysis of evolution of the institutional cycles of the Belarus and Russian economy is given. The characteristic of three basic institutional cycles of the Russian and Belarus economy from the beginning ethnic genesis of the societies (VIII–XII c.c.) and on present time is given. The separate laws and factors of transformation of the institutional structures of economy are revealed. The special importance of transition periods is noted. The specific and important role of the complementary institutes during these periods is revealed. It is shown, that Belarus and Russian institutional matrixes never merged in a uniform matrix. These countries have own history and own trajectory of movement on phases of the ethnic genesis.

© Ксензова В.Э.

Поступила в редакцию 20 октября 2012г.